

УДК 81'42

Мазирка И.О., Хухуни Г.Т.*Московский государственный областной университет***К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «НУЛЕВОМ ПЕРЕВОДЕ»**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с так называемым опущением при переводе, т. е. отказом воспроизвести при межъязыковой передаче те или иные единицы или фрагменты исходного текста. Отмечается, что указанный приём может быть вызван различными причинами. Оставляя в стороне случаи, обусловленные недостаточной переводческой компетенцией (т. е. отсутствием соответствующих фоновых знаний), можно указать как на внешние факторы (нередко обусловленные соображениями цензурного характера), так и на стремление облегчить восприятие текста широким читателем путём отказа от комментариев, примечаний и т. п.

Ключевые слова: оригинал, перевод, текст, опущение, фоновые знания, цензура.

I. Mazirka, G. Khukhuni*Moscow State Regional University***ABOUT THE SO-CALLED 'ZERO TRANSLATION'**

Abstract. The present article is dedicated to so-called translator's omission. The latter is understood as the non-representation of either some fragments or definite units of the source text in the target language. It is underlined that the omission may be caused by different reasons. Leaving aside possible incompetence of the translator (lack of background knowledge), some external factors may be mentioned as well, e.g. some requirements of censorial nature. On the other hand, omission sometimes shows the translator's wish to make the source text easier for the general reader's comprehension by eschewing the footnotes, commentaries, etc.

Key words: original, translation, text, omission, background knowledge, censorship.

При определении специфики «собственно перевода» как способа передачи иноязычного текста, чаще всего называют отсутствие компрессии его содержательной стороны (относительно стороны формальной ситуация представляется более сложной). Достаточно напомнить в этой связи высказывание классика – можно сказать, основателя – отечественной лингвистической теории перевода А.В. Фёдорова: «В верности и полноте передачи – отличие собственно перевода от

пересказа или сокращённого изложения, от всякого рода так называемых адаптаций» [8, с. 10–11]. Во многом расходившийся с ним другой крупный представитель отечественного перево­ доведения – В.Н. Комиссаров, говоря о различных видах языкового посредничества, также отмечает: «Для всех этих видов, кроме перевода, характерна переработка содержания оригинала, его структурирование, компрессирование или обобщение по определённым правилам. Поэтому их обычно именуют «адаптивным переносом» или «адап-

тивным транскодированием» и противопоставляют «собственно переводу» [6, с. 42].

С другой стороны, практически все авторы, занимавшиеся проблемами теории перевода, признавали, что «полнота передачи» представляет собой весьма относительное понятие. Об этом свидетельствует, к слову, и довольно часто используемый в соответствующих трудах как по отношению к грамматической стороне оригинала, так и применительно к лексическим единицам исходного текста термин «нулевой перевод». Применяется он, в частности, по отношению к реалиям, в известной работе С. Влахова и С. Флорина [1], хотя нельзя не заметить некоторую парадоксальность указанного термина: отсутствие перевода квалифицируется как один из способов последнего.

Так или иначе, но отказ (другой вопрос, насколько обоснованный) от репрезентации на переводном языке тех или иных фрагментов / единиц, присущих исходному тексту – явление достаточно хорошо известное. Однако для «обычного» читателя, незнакомого с подлинником, как отмечал В.Н. Комиссаров, имеет место своего рода «презумпция коммуникативной равноценности» [6, с. 45] последнему.

При этом причины, понуждающие переводчика прибегнуть к опущению (либо «исправлению») того или иного составляющего в передаваемом произведении, могут быть достаточно разнообразны. Нами предпринимается попытка, не претендуя на полноту и всесторонний охват всех возможных случаев, рассмотреть некоторые, на наш взгляд, достаточно показательные примеры такого рода. Отметим, что

«обнуление», вызванное недостаточной компетенцией переводчика, т. е. отсутствием у него соответствующих фоновых знаний, в данной статье не рассматривается.

Наиболее простыми и понятными, вероятно, можно считать причины, связанные с действием внешних факторов, т. е. норм и правил (как писанных, так и действующих «по умолчанию») в той аудитории, для которой предназначен соответствующий перевод. В широком смысле слова их целесообразно квалифицировать как соображения, связанные с «переводческой цензурой» (чаще – даже автоцензурой). Применительно к проблематике, связанной с моментами межкультурной адаптации, указанный аспект был в своё время рассмотрен в монографии Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой [9]. Как отмечается в этой работе, указанный момент явственно наблюдается в принадлежащей С.Я. Маршаку версии английской народной баллады «King John and the Abbot» (у Маршака – «Король и пастух»). В оригинале на вопрос короля о своей цене в исходном тексте персонаж напоминает ему известный евангельский эпизод («For thirty pence our Saviour was sold / Amongst the false Jews, as you have been told...»), тогда как в переводе содержится следующий пассаж: «Пастух отвечает с глубоким поклоном: / – Цены я не знаю коронам и тронам...».

При этом отмечались и довольно курьёзные случаи, когда исходный текст подвергался такого рода преобразованию, так сказать, «задним числом», когда содержащиеся в нём моменты могли вызвать ассоциации, которые автор (и предшествующие его переводчики) ожидать никак не могли.

Так, во всех русских версиях «Шерлока Холмса» (и в дореволюционные, и в советские годы) без каких-либо купюр сообщалось о том, что доктор Уотсон участвовал в боевых действиях в Афганистане, тогда как в популярном отечественном фильме говорится о весьма неопределённом «Востоке». Учитывая время, когда фильм создавался (восьмидесятые годы прошлого века), причины подобной эвфемизации едва ли требуют специального разъяснения.

Любопытно отметить, что порой аналогичное «преобразование» исходного материала наблюдалось и в такой, казалось бы, достаточно объективной области, как научная терминология. В этом отношении весьма показательным сравнением трудов по сравнительно-историческому языкознанию, написанных немецкими авторами XIX – начала XX столетия, и их русских версий.

Если обратиться к наиболее известному и авторитетному в начале прошлого века Энциклопедическому словарю Брокгауза-Ефрона, то мы встретим в нём следующую дефиницию: **Индоевропейские или индогерманские языки** – «под этими терминами понимаются родственные между собой языки, которыми говорят народы, населяющие почти всю Европу, значительную часть юго-западной Азии и северную половину Ост-Индии, или Индостан. Оба термина имеют в настоящее время чисто условный характер и довольно неточны, так как не отвечают действительному положению вещей. Первый означает крайние географические области на В. и З., между которыми живут индоевропейцы, – т. е. Индию и Европу, но при этом совсем упускает из виду Америку, где в настоящее время пода-

вляющее большинство населения уже «индоевропейцы». Второй термин, употребительный больше всего у немцев, быть может, не без участия некоторой доли национального шовинизма, имеет этнографический характер, означая крайних восточных и западных представителей всей этой большой семьи народов: индусов на В. и германцев на З. (самые западные европейцы – англичане, исландцы, затем и янки-американцы принадлежат к германскому отпрыску И. семьи). Но и этот термин неточен, потому что уже довольно давно не индусы – самый восточный народ из индоевропейцев, а русские, т. е. славяне, в Вост. Сибири» [5].

Поскольку вопрос об истории указанного термина в задачи настоящей статьи не входит (создание первого обычно связывают с именем Ф. Боппа, а второго – с трудами Ф. Шлегеля и А. Шлейхера¹), отметим только, что в работах немецких языковедов указанного периода использовалось почти исключение понятия «индогерманские языки». Однако, если обратиться к тому, как воспроизводились они в отечественных трудах по истории языкознания, то можно заметить, что ситуация здесь выглядит совершенно иначе. Названный момент особенно бросался в глаза в тех случаях, когда соответствующий фрагмент приводился и на языке оригинала. Так, в известной хрестоматии В.А. Звегинцева одна из наиболее важных работ А. Шлейхера оза-

¹ В процитированной выше статье из энциклопедии Брокгауза-Ефрона содержится несколько иная трактовка: «Второй термин, долго приписывавшийся Фр. Шлегелю, на самом деле впервые употреблён только в 1831 г. Гезениусом, раньше которого некто Schmitthenner придумал близкий термин *indisch-teutsch* (индотевтонский)» [5].

главлена «Компендий сравнительной грамматики *индоевропейских языков*», а в сноске представлено немецкое название: «Compendium der vergleichenden Grammatik der *Indogermanischen Sprachen*» [4, с. 107] (*курсив наш.* – И.М., Г.Х.). Любопытно, что подобная «дегерманизация» происходила и тогда, когда в роли авторов выступали русские учёные. Так, статья Н.С. Трубецкого (которого уж никак нельзя заподозрить в «великогерманском шовинизме»), носящая в оригинале заглавие «Gedanken über das Indogermanenproblem», была опубликована в России (почти двадцать лет спустя после её появления) под названием «Мысли об индоевропейской проблеме» [7].

Факторы, обусловившие подобную корректировку научной терминологии при передаче с немецкого на русский в прошлом столетии, вполне понятны и объяснимы. Достаточно вспомнить, что обе мировые войны сопровождались, помимо вооружённой борьбы, весьма жёстким идеологическим противостоянием, и лексема «индогерманский» (независимо от того значения, которое вкладывали в неё в начале XIX столетия создатели) не могла не восприниматься как одно из проявлений претензии немецких коллег на некую «исключительность» и «превосходство».

Однако в плане собственно теории и практики межъязыковой передачи, на наш взгляд, больший интерес представляют случаи, когда отказ от воссоздания тех или иных реалий обусловлен уже несколькими иными моментами, связанными с вопросом о фоновых знаниях. Причём, соответствующие сведения могут быть хорошо известны переводчику (т. е. вопроса о его компе-

тентности не возникает), однако наличие их у широкого читателя вызывает сомнения, что и побуждает прибегать к нулевому переводу.

Иллюстрацией могут служить многочисленные рассказы и повести А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. Как уже многократно отмечалось в специальной литературе (см., в частности, [10]), они представляют собой своеобразную энциклопедию жизни Англии (прежде всего – её столицы) конца XIX – начала XX века, что, естественно, требует для полноценного восприятия многих относящихся к ним произведений наличия соответствующих сведений. О том, как отражается указанное обстоятельство в различных русских версиях, можно узнать, в частности, из статьи Т.С. Евсюниной [3]. В дополнение к приводимым автором примерам можно присовокупить следующий.

В рассказе «A Scandal in Bohemia» имеется следующий эпизод, связанный с одним из многочисленных преобразований великого сыщика: «He disappeared into his bedroom and returned in a few minutes in the character of an amiable and simple-minded Nonconformist clergyman» [11, p. 17]. В наиболее известном у нас переводе Н.С. Войтинской, выполненном в середине XX в., процитированный фрагмент представлен следующим образом: «Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкой чёрной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком» [2, с. 283].

Как видим, переводчица опустила указание автора на то обстоятельство, что речь шла не просто о духовном лице, а о священнослужителе, принадлежащем к неконформистской церк-

ви, т. е. деноминации, не признающей официальную англиканскую церковь. По всей вероятности, нулевой перевод в данном случае носил вполне сознательный характер: Н.С. Войтинская сочла, видимо нецелесообразным, пояснять данный термин для русского читателя, относительно мало знакомого с историей и особенностями религиозной жизни Великобритании. Однако, на наш взгляд, то обстоятельство, что А. Конан Дойл счёл необходимым специально отметить указанный момент, едва ли носило случайный характер. В данном случае Шерлок Холмс рассчитывал на ту репутацию, которую имели протестанты-нонконформисты в британском обществе и которая наиболее подходила для выполнения стоявшей перед ним задачи – предстать в облике диссидента, не принадлежащего к вероисповедному большинству, – диссидента, которого воспринимают как некоего чудака «не от мира сего» и которого нечего опасаться. Учитывая, к тому же, что нонконформизм сыграл заметную роль в религиозной и политической истории Англии, на наш взгляд, опущение в данном случае привело к определённым (хотя, возможно, и не очень значительным) потерям. Отметим, что несколько ниже предложение – «His broad black hat, his baggy trousers, his white tic, his sympathetic smile, and general look of peering and benevolent curiosity were such as Mr. John Hare alone could have equaled» [11, p. 17] – передано следующим образом: «Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр» [2, с. 283]. В примечании поясняется: «Хэйр, сэрд Джон – английский актёр XIX века» [2,

с. 283], т. е. в данном случае прибегать к нулевому переводу Н. Войтинская сочла нецелесообразным¹.

Объяснить принципиально разные переводческие решения в двух, на наш взгляд, достаточно схожих случаях довольно непросто (подчеркнём ещё раз, что наш анализ исходит из презумпции компетенции переводчика, что применительно к Н.С. Войтинской представляется вполне оправданным). Однако приведённый пример свидетельствует о том, что вопрос о так называемом нулевом переводе представляет большой интерес и заслуживает дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Дойль А.К. Скандал в Богемии / Пер. Н. Войтинской // А. Конан Дойль. Собр. соч. в 8 томах Т. 1. М.: Правда, 1966. С. 267–290.
3. Евсюнина Т.С. Викторианская Англия в исходном и переводном тексте: словареалии в рассказах о Шерлоке Холмсе и их передача на русский язык // Вестник Московского Государственного Облостного Университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 81–85.
4. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 468 с.
5. Индоевропейские или индогерманские языки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/130760/Индоевропейские (дата обращения: 08.10.2014).

¹ Мы не касаемся в данном случае применённого переводчицей приёма переноса части второго предложения (описание наряда Холмса) в первое.

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
7. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. 1958. №1. С. 65–77.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
9. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 172 с.
10. Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. М.: Форум, 2012. 480 с.
11. Doyle A.C. The Adventures of Sherlock Holmes. London: Harper Press, 2010. 318 p.